

И.А. Рожков

**Очерки юридического быта
по Русской Правде**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
И11

И11 **И.А. Рожков**
Очерки юридического быта по Русской Правде / И.А. Рожков – М.: Книга
по Требованию, 2012. – 118 с.

ISBN 978-5-458-01342-0

ISBN 978-5-458-01342-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

„положити за голову“ такую то сумму: это не выкупъ, а плата князю; о выкупѣ говорится только при Ярославичахъ, которые „отложиша оубиение за голову, но кунами ся выкупати“; при этомъ прибавлено: „а ино все якоже Ярославъ судилъ, такоже і сынове его оуставиша“. Эти слова обыкновенно толкуются въ смыслѣ подтвержденія всѣхъ постановленій, когда-либо сдѣланныхъ Ярославомъ; но намъ кажется, что вѣрнѣе отнести ихъ только къ уставу Ярослава объ убійствѣ: „ино все“, — то-есть, надо было по прежнему „положити за голову“ въ пользу князя. Такимъ образомъ платежъ въ пользу князя существовалъ еще до отмѣны мести и послѣ этого приобрѣлъ только болѣе общее значеніе, распространился на всѣ почти случаи убійства. Остается, дѣйствительно, трудно-объяснимое мѣсто 2-й статьи Академическаго списка: „взяти *емоу* за обиду“; если мы не имѣемъ здѣсь дѣла съ ошибкой въ текстѣ, то придется признать, что платежи за побой и личные обиды шли — при существованіи законнаго права мести за нихъ и невозможности метить — въ пользу потерпѣвшаго. Вопросъ этотъ во всякомъ случаѣ надо считать еще открытымъ. На то, что при Ярославичахъ князю поступали платежи въ 3 и 12 гривенъ, можно найти указаніе въ 41-й статьѣ Академическаго списка, гдѣ сказано: „а отъ грине мечнику коуна, а въ девятиноу 15 коунъ, а князю 3 гривны; а отъ 12 гривноу емъцю 70 коунъ, а въ десятиноу 2 гривнѣ, и князю 10 гривенъ“.

Итакъ почти всѣ основанія въ пользу мнѣнія, что въ краткой Правдѣ понятіе о преступленіи не заключало въ себѣ общественныхъ элементовъ, не выдерживаютъ критики. Съ другой стороны наличность этого общественнаго элемента выступаетъ съ несомнѣвностью, если мы обратимъ надлежащее вниманіе на сущность и условія мести, какъ признаннаго обычая и закономъ способа уголовного возмездія, и на несомнѣнный фактъ существованія виры при Владимірѣ и Ярославѣ.

Еще съ болѣею увѣренностью можно указать на общественный элементъ понятія о преступленіи въ пространной Русской Правдѣ, что и признается почти всѣми наследователями, касавшимися этого вопроса: Эверсомъ, Поповымъ, Власьевымъ, Лапге, Чебышевымъ-Дмитріевымъ, г.г. Стефановскимъ, Сергѣевичемъ и Владимірскимъ-Будановымъ. Взглядъ Эверса виденъ изъ его перевода Синодальнаго текста ¹⁾. Попову принадлежатъ первыя обстоятельныя доказатель-

¹⁾ Древнѣйшее русское право въ историческомъ его раскрытіи, прибавл. II.

ства этого взгляда. Они состоятъ прежде всего въ указаніи, что существовало такое наказаніе, какъ „потокъ и разграбленіе“, то-есть, изгнаніе изъ міра, лишеніе всёхъ правъ, такъ что всякій могъ убить преступника, и предоставленіе имущества обвиненнаго въ преступленіи—на пользованіе всякому; съ утвержденіемъ князей потокъ и разграбленіе стали заключаться въ выдачу преступника съ семьею и его имущества князю (см. 79 статью Троицкаго списка) ¹⁾. Затѣмъ Поповъ доказываетъ, что виры и продажи шли князю. Относительно вирь это несомнѣнно по слѣдующимъ даннымъ: 1) Владиміръ бралъ виры на содержаніе дружины; 2) въ предисловіи къ Софійскому Временнику говорится: „тѣ бо (то-есть, древніе) князи не събирааху много имѣніа, ни творимыхъ вирь, ни продажъ въскладаху на люди; но оже будяше праваа вира, а ту възымааше и дааше дружинѣ на оружье“; 3) въ грамотѣ Мстислава 1125 г. князь даритъ монастырю св. Георгія вотчины съ данью, вирами и продажами ²⁾. Къ этимъ, предложеннымъ Поповымъ, доказательствамъ общественнаго характера вирь Власевъ присоединилъ еще слѣдующія: 4) въ уставѣ новгородскаго князя Святослава Ольговича, относящемся къ 1137 г., сказано, что онъ данъ „имати пискупомъ десятину отъ даніи и отъ вирь и продажъ, что входитъ въ княжь дворъ всего“; 5) въ 1150 г. Ростиславъ Мстиславичъ, учреждая смоленскую епископію, далъ ей десятину отъ даней, кромѣ вирь, продажъ и полюдья; 6) въ церковномъ уставѣ Ярослава читаемъ: „свадебное, сговорное, бой, убійство, душегубство.... платятъ виру князю наполю со владыкою“; 7) въ Новгородѣ и Псковѣ, гдѣ княжеская власть была менѣе значительна, и виры были меньше: въ договорныхъ грамотахъ Новгорода съ князьями постоянно встрѣчается условіе: „виры брать по старинѣ“; по Псковской судной грамотѣ виры незначительны; 8) въ Московскомъ государствѣ „вѣра“, „вѣрное“—плата въ казну ³⁾. Что продажа также шла князю, это подтверждается, согласно указанію Попова: 1) предисловіемъ къ Софійскому Временнику; 2) грамотой Мстислава; 3) словами Русской Правды (Троицкій списокъ, статья 41): „то ти оуроци смердомъ, оже платятъ князю продажу“ ⁴⁾; къ этому

¹⁾ Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву, стр. 65, 66.

²⁾ Тамъ же, стр. 45.

³⁾ О вѣщеніи по началамъ теоріи и древняго русскаго права. Москва, 1860, стр. 180—181.

⁴⁾ Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву, стр. 45.

Власьевъ замѣчаетъ: 4) гдѣ въ краткой Правдѣ плата „за обиду“, тамъ въ пространной продажа въ той же суммѣ и часто рядомъ съ ней въ другой суммѣ частное вознагражденіе; 5) въ 23-й статьѣ Троицкаго списка (= 2-й статьѣ Академическаго) 3 гривны названы продажей, а „платити ему“ = онъ (то-есть, отвѣтчикъ) долженъ платить; (во 2-й статьѣ Академическаго списка слова „взяти ему“, по Власьеву, лишнія: ихъ и нѣтъ въ одномъ изъ списковъ краткой редакціи, какъ видно изъ своднаго текста Калачова); 6) что 3 и 12 гривенъ платились князю, видно изъ 41-й статьи Академическаго списка: отъ 12 гр. емцу 70 кунъ, а въ десятину 2 гривны, а князю 10 гр.; въ первой половинѣ этой статьи говорилось, вѣроятно, о платѣ въ 3 гривны, но цифра 3 пропущена, ибо она изображалась буквою Г, да и слово „грние“ испорчено ¹⁾. Наконецъ, Ланге еще увеличиваетъ количество свидѣтельствъ о платежѣ продажи князю: 7) въ 32-й статьѣ Троицкаго списка сказано: „а князю продаю“; 8) въ 34-й: „а князю продажѣ 12 гривенъ въ челядинѣ“; 9) въ 42-й читаемъ: „аже будутъ холопи татне... ихъ же князь продаю не казнить“; 10) наконецъ, 84-я статья Троицкаго списка гласитъ: „а въ холопѣ и въ робѣ виры нѣтуть; но оже будетъ безъ вины оубиенъ, то за холопѣ оурокъ платити или за робу, а князю 12 гривенъ продажѣ“. Относительно вирь у Ланге тѣ же доказательства, что и у Попова и Власьева ²⁾. Г.г. Стефановскій ³⁾, Сергѣевичъ ⁴⁾ и Владимірскай-Будановъ ⁵⁾ раздѣляютъ мнѣніе названныхъ изслѣдователей. не обставляя его новыми доводами, что впрочемъ и не нужно, такъ какъ приведенные выше доказательства достаточно убѣдительны.

Противъ общественнаго значенія вирь и продажъ высказался одинъ только Денпъ; по его мнѣнію, виры — вознагражденіе законныхъ мстителей убитаго за утраченное ими право мщенія; это доказывается, во-первыхъ, ссылкой на договоры съ греками, гдѣ говорится: „часть его... да возьметъ ближній убійнаго“, „да возьмутъ

¹⁾ О вѣнненіи по началамъ теоріи и древняго русскаго права, стр. 162 — 167.

²⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды. Сиб., 1860, стр. 99—101.

³⁾ Разграниченіе гражданскаго и уголовнаго судопроизводства въ исторіи русскаго права. „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ за 1878 г., мартъ, стр. 16. Авторъ полагаетъ, что въ древнѣйшей Правдѣ не было платежей князю. Тамъ же, прим. 2 на стр. 13.

⁴⁾ Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права, стр. 450.

⁵⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 8, 28, 24.

его мнѣніе ближніе убійнаго⁴; во-вторыхъ, словами Русской Правды: „отложиша убіеніе за голову, но кунамися выкупати“ — не у князя, конечно, ибо не онъ казнилъ убійцу при существованіи мести; въ-третьихъ, другимъ мѣстомъ того же источника: „аще не будетъ кто его мстя.... то 40 гривенъ положить заць“ — эти 40 гривенъ шли не князю, потому что за исчисленными въ этой статьѣ родственниками оставались еще весьма близкія степени родства; наконецъ, четвертымъ доказательствомъ служить замѣчаніе, что въ Правдѣ установлено различіе въ суммахъ платежей: такое различіе было бы невозможно въ томъ случаѣ, если бы эти платежи шли князю: въ послѣднемъ случаѣ, напримѣръ, за свободнаго и раба была бы равная плата. Въ виду лѣтописнаго извѣстія, что Владиміръ бралъ виры на оружіе и коней, Денпъ допускаетъ, что часть виры шла князю, но незначительная: изъ 40 гривенъ—8, изъ 80—16, изъ 20—4. Впрочемъ самъ онъ признаетъ противорѣчающею его мнѣніямъ 21-ю статью Троицкаго списка — полувиры 20 гривенъ, а тому за вѣкъ 10 гривенъ — и затрудняется разрѣшить это противорѣчіе. Статьи, гдѣ говорится о продажѣ князю, относятся, по Денпу, къ холопамъ, „которыхъ юридическія отношенія должны быть объяснены совершенно самостоятельнымъ образомъ“, слова же „а князю 12 гривенъ продажи“ — прибавка позднѣйшая, относящаяся ко времени полнаго утвержденія княжеской власти¹).

Мнѣніе Денпа слишкомъ сильно противорѣчитъ пространному тексту Русской Правды, а потому ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признано вѣрнымъ. Его попытки примирить это противорѣчіе — натянуты и неосновательны: 16 гривенъ отъ виры въ 80 гривенъ шли не князю, а вирнику, ему же шли и 8 гривенъ съ 40-гривенной виры²); статьи о продажѣ князю нельзя относить къ холопамъ: это противорѣчитъ и понятію о холопствѣ въ то время, и прямымъ указаніямъ Правды, что продажу платили смерды³), а холоповъ „князь продажею не казнить, зане суть несвободни“⁴); наконецъ, ни на чемъ не основано и утвержденіе, что слова „а князю 12 гривенъ продажи“ — позднѣйшая прибавка. Что касается до самыхъ основаній

¹) О наказаніяхъ, существовавшихъ въ Россіи до царя Алексѣя Михайловича. Сиб., 1849, стр. 38—49.

²) Троицкій списокъ, статьи 7-я и 8-я.

³) Тамъ же, статья 41.

⁴) Тамъ же, статья 42.

имѣнія Денпа, то еще Ланге справедливо замѣтилъ по этому поводу, что постановленія договоровъ съ греками объ отдачѣ имѣнія бѣжавшаго убійцы родственникамъ убитаго и выраженія „кунами ся выкупати“ относятся не къ вирѣ, а къ головничеству ¹⁾. Затѣмъ непонятно, почему количественное различіе въ платежахъ несомнѣннѣнн съ поступленіемъ ихъ въ пользу князя. Остается только замѣчаніе, что 40 гривенъ, которыя убійца долженъ „положити“ за убитаго, шли не князю, потому что за исчисленными тутъ родственниками оставались еще весьма близкія степени родства. Но, во-первыхъ, нѣкоторые изслѣдователи ²⁾ думаютъ, что перечень родственниковъ тутъ только примѣрный, не полный, а во-вторыхъ, слова „аще ли не будетъ кто его мсты“ указываютъ на полное отсутствіе законныхъ мстителей, на несуществованіе родственниковъ у убитаго; кто же въ такомъ случаѣ будетъ получать эти 40 гривенъ, какъ не князь? Допустимъ даже, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые ³⁾, что здѣсь разумѣется и тотъ случай, когда лица, имѣющія право мстити, отказываются отъ него; можно ли допустить даже и въ этомъ случаѣ замѣну мести однимъ частнымъ вознагражденіемъ? Итъ, такъ какъ въ мести былъ, какъ мы видѣли, общественный элементъ.

Итакъ существованіе въ пространной Русской Правдѣ такихъ наказаній, какъ потокъ и разграбленіе, вира и продажа ставитъ въ всякаго сомнѣнія тотъ фактъ, что [понятіе о преступленіи имѣло общественный характеръ. Другой вопросъ, насколько силенъ былъ общественный элементъ въ этомъ понятіи? Слѣдуетъ признать его—вмѣстѣ съ г. Сергѣевичемъ ⁴⁾—довольно слабымъ: общественная власть брала деньги съ преступника въ свою пользу, позволяла какъ бы откупаться, совершивъ преступное дѣяніе. Это во всякомъ случаѣ свидѣтельствуетъ, что сама эта власть смотрѣла на свои функціи съ фискальной точки зрѣнія, а интересы общаго блага и общественного спокойствія стояли на второмъ планѣ; поэтому и общественный элементъ въ понятіи о преступленіи не могъ быть сильнымъ. Только слишкомъ важныя преступления, какъ убійство „въ разбоѣ“, кошева татья и поджогъ, слишкомъ явно нарушавшія общее благо или гро-

¹⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 101—102.

²⁾ Ланге. Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 95; Сергѣевичъ. Лекція и изслѣдованія по исторіи русскаго права, стр. 443—444.

³⁾ Поповъ. Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву, стр. 39; Ланге. Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 98.

⁴⁾ Лекція и изслѣдованія по исторіи русскаго права, стр. 440—441.

звѣшія совершеннымъ разореніемъ, наказывались „потокомъ и разграбленіемъ“—такимъ видомъ уголовного возмездія, который, при всей своей примитивности, заключалъ въ себѣ больше общественныхъ элементовъ, чѣмъ денежные платежи въ княжескую казну.

Слабость общественнаго элемента въ понятіи о преступленіи по Русской Правдѣ выступаетъ для насъ съ еще ббльшею ясностью, если мы обратимъ вниманіе на то, что въ Правдѣ понятіе о преступленіи почти исключительно матеріальное: это — обида, матеріальный вредъ, а не формальное нарушеніе закона. „Всякое право, взятое въ своей цѣлости“, говоритъ Эверсъ, „получаетъ начало свое въ понятіи объ обидѣ... Первоначально все—обида и рѣчи только объ обидахъ“ ¹⁾. Этотъ же взглядъ, только болѣе обстоятельно, развитъ у Максимо-вича: въ эпоху Правды Ярослава, по его мнѣнію, господствовало понятіе обиды, то-есть, матеріальнаго, физическаго вреда; въ Правдѣ XIII столѣтія понятіе обиды расширяется: въ него входитъ, какъ элементъ, и оскорбленіе чести другого, но господствующій характеръ преступленія все же зло физическое, матеріальное, выражаемое терминами „мѣка“ (по отношенію къ лицамъ) и „пагуба“ (по отношенію къ вещамъ) ²⁾. Точно также и Чебышевъ-Дмитріевъ думаетъ, что „дѣйствіе считалось преступнымъ въ силу заключающагося въ немъ матеріальнаго (дѣйствительнаго), непосредственнаго зла. Отвлеченнаго понятія о преступности дѣйствія ради одного только зла формальнаго (нарушенія закона), хотя бы это дѣйствіе было само по себѣ и по ближайшимъ, непосредственнымъ своимъ результатамъ безразлично,—въ періодъ Русской Правды не было“ ³⁾. И г. Сергѣевичъ ⁴⁾ присоединяется къ этому взгляду. Вообще онъ не оспаривается, да и едва ли можно что-либо сказать противъ него.

Въ виду этого вполне понятно, что объектомъ преступленія по Русской Правдѣ считаются лишь права лицъ физическихъ, и что нашъ памятникъ не знаетъ цѣлага ряда преступленій—противъ государства и общества.. Это отмѣчено еще Эверсомъ, который, впрочемъ, объяснялъ такое явленіе не понятіемъ о преступленіи, а тѣмъ, что го-

¹⁾ Древнѣйшее русское право. Сиб., 1886, стр. 350.

²⁾ О развитіи идеи преступленія по смыслу памятниковъ русскаго законодательства, стр. 12 и 18.

³⁾ О преступномъ дѣйствіи по русскому до-Петровскому праву. Казань. 1862. стр. 92.

⁴⁾ Лекціи и изслѣдованія, стр. 437.

сударственная власть имѣла въ то время патріархальное основаніе ¹⁾. Максимовичъ только отмѣтилъ фактъ, не поставивъ его въ связь съ выясненнымъ имъ же самимъ понятіемъ о преступленіи по Русской Правдѣ ²⁾. Такое же замѣчаніе находимъ и у г. Владимірскаго-Буданова ³⁾. По нашему мнѣнію, связь между понятіемъ о преступленіи и объектомъ преступленія въ правдѣ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Но права не всѣхъ физическихъ лицъ подлежали въ тѣ времена уголовной защитѣ и охранѣ. Эта мысль особенно рѣзко выражена Чебышевымъ-Дмитріевымъ. Такъ, права лицъ несвободныхъ—холопа и рабы—не объектъ преступленія: убійство холопа постороннимъ есть лишь нарушеніе имущественныхъ правъ его господина, наказывается, какъ истребленіе чужой собственности,—„продажей“; убійство несвободнаго своимъ господиномъ ненаказуемо: это видно изъ 84 статьи Троицкаго списка, говорящей о наказаніи за убійство *только чужихъ* холопа и рабы, и признается всѣми изслѣдователями—Чебышевымъ-Дмитріевымъ ⁴⁾, г. Ведровымъ ⁵⁾, г. Владиміровымъ-Будановымъ ⁶⁾ и др., но оспаривается Ланге, по мнѣнію котораго такой порядокъ существовалъ лишь съ Владиміра Мономаха, да и то лишь при убійствѣ холопа въ „свадѣ“, за убійство же его „въ разбоѣ“—потокъ и разграбленіе; до Мономаха, по Ланге, убійство наказывалось сорокагривенною вирой. Онъ доказывалъ свой взглядъ слѣдующимъ образомъ: по-первыхъ, если за кражу холопа князь получилъ 12 гривенъ, а владѣлецъ, въ случаѣ невозвращенія ему его, 5, то должна быть вира или продажа и за убійство холопа; во-вторыхъ, до Мономаха за убійство холопа взымалась всегда вира, ибо при Ярославѣ и Изяславѣ съ братьями она взыскивалась за лишеніе жизни тиуна боярскаго, тиунъ же боярскій могъ быть и холопомъ; въ-третьихъ, слова 84 статьи Троицкаго списка: „а въ холопѣ и рабѣ виры нѣтуть“—свидѣтельствуютъ объ отмѣнѣ стараго постановленія о вирѣ за ихъ убійство, такъ какъ „нѣтуть“= „да не будетъ“ ⁷⁾. Г. Ведровъ дѣ-

съ нѣмцами, граждане и иностранцы равноправны: „если убьютъ купчину нѣмца въ Новгородѣ, то за голову 10 гривенъ“, что равняется 40 гривнамъ Русской Правды ¹⁾).

Такимъ образомъ нѣтъ основаній раздѣлять взглядъ Чебышева-Дмитріева на то, что права лицъ, не принадлежащихъ къ какому либо союзу, не были объектомъ преступленія во времена дѣйствія нашего памятника. Чтобы закончить рѣчь объ объектѣ преступленія, остается указать на замѣчаніе г. Владимірскаго-Буданова, что правоспособныя лица „пользовались уголовною защитой своихъ правъ не всѣ въ одинаковой степени: такъ, жизнь княжихъ мужей ограждается двойною вирою, за „мѹку“ огнищанина 12 гривенъ продажи, а за „мѹку“ смерда 3“ ²⁾. Разборъ спорной статьи „о женѣ“ откладываемъ до рассмотрѣнія постановленій объ убійствѣ.

II.

Перойдемъ теперь къ трудному вопросу о субъектѣ преступленія по Русской Правдѣ.

Кто могъ быть преступникомъ по понятіямъ того времени? Г. Владимірскій-Будановъ выражаетъ общепринятый взглядъ, утверждая, что „злодѣянія холоповъ—не преступленія и не навлекаютъ на дѣятеля уголовныхъ взысканій“ ³⁾: такъ за кражу, совершенную холопомъ, продажа князю не взыскивалась (см. Карамзинскій списокъ, ст. 43); господинъ могъ выкупить совершившаго такое преступленіе холопа или выдать виновнаго потерпѣвшему, но продажи не платилъ: ей подлежали только свободные соучастники преступленія, если таковые были (Карамзинскій списокъ, ст. 132); если холопъ ударитъ свободного человѣка и убѣжить въ домъ своего господина, то послѣдній обязанъ или выдать его потерпѣвшему или заплатить ему же 12 гривенъ, а затѣмъ, если оскорбленный холопомъ встрѣтитъ его, то, по рѣшенію Ярослава, можетъ его убить, а по уставу Ярославичей, бить его, раздѣвши или взять гривну кунъ „за соромъ“ (Карамзинскій списокъ, статья 76). Мы видимъ изъ этихъ постановленій, что взглядъ г. Владимірскаго-Буданова не лишенъ основаній: кража холопа разсматривалась, повидимому, какъ гражданское правонарушеніе, за ударъ, на-

¹⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, вып. II, стр. 18.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, вып. II, стр. 8.

несенный холопомъ, не платилась продажа. Тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ слишкомъ увлекаться мыслью, что холопъ совершенно не признавался преступникомъ: уже самое право обиженнаго убить или бить холопа-обидчика и возможность выдачи холопа его господиномъ потерпѣвшему указываютъ, что практиковались *личныя* наказанія холоповъ, и эта практика санкціонировалась закономъ. Итакъ въ Русской Правдѣ уже замѣненъ зародышъ признанія личности холопа, и хотя нѣтъ сомнѣнія, что по отношенію къ преступленіямъ свободныхъ и несвободныхъ точка зрѣнія не была одна и та же, все-таки самую княжескую власть въ холопѣ признавалась свободная воля, дурныя проявленія которой подлежали извѣстной уголовной карѣ; мы говоримъ—уголовной, потому что убить или бить холопа—значило примѣнять къ нему личную месть, а месть между тѣмъ, какъ мы видѣли, имѣла несомнѣнное значеніе *общественнаго* наказанія. Можно даже думать, что причина непримѣнимости продажи при преступленіяхъ холоповъ, выраженная въ Русской Правдѣ словами „эне суть несвободни“, заключается именно въ томъ, что холопъ совершенно не имѣлъ *имущественныхъ* правъ, а не въ томъ, что не признавалась его личность: послѣднее, строго говоря, невѣрно.

Лица правоспособныя, свободныя, всѣ безъ исключенія могли быть преступниками во времена Русской Правды. Это положеніе не нуждается въ доказательствахъ и признано всѣми изслѣдователями.

Изъ всѣхъ тѣхъ, кто занимался изученіемъ Русской Правды, одинъ только Максимовичъ высказался за то, что въ нашемъ памятникѣ не было понятія ни объ отношеніи дѣйствій человѣка къ его разумно-свободной волѣ, ни объ умыслѣ; это, по его мнѣнію, вытекаетъ изъ признанія въ Русской Правдѣ существеннымъ признакомъ преступленія—вишняго дѣйствія ¹⁾. Взглядъ Максимовича, построенный на основаніи однихъ только общихъ соображеній, находится въ слишкомъ явномъ противорѣчій съ текстомъ источника, чтобы найти себѣ послѣдователей. Слѣдуетъ считать безспорнымъ, что степень участія злой воли въ Русской Правдѣ различалась; вопросъ только въ томъ, какъ далеко проведено было это различіе, и насколько силенъ былъ субъективный элементъ правонарушенія.

Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія прежде всего замѣчанія Ланге: по его словамъ, въ Правдѣ различалось убійство „въ

¹⁾ О развитіи идеи преступленія по смыслу памятникѣ русскаго законодательства, стр. 10.